

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ

УДК 82-95

ПЬЕСА А.П. ЧЕХОВА «ИВАНОВ» НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ВОЛЖСКИЙ ВЕСТНИК»

А.А. Ершова

Аннотация

Предметом анализа в статье являются публикации 80–90-х годов XIX века газеты «Волжский вестник», посвященные пьесе А.П. Чехова «Иванов». Интерес провинциального театрального зрителя рассматривается как один из важнейших факторов, определявших становление литературной репутации А.П. Чехова.

Ключевые слова: драма, «Иванов», Чехов, восприятие, провинциальный театр, газетная критика, Казань, «Волжский вестник».

Период конца XIX – начала XX вв. оказался противоречивым для России временем. Изменения коснулись самых разных сфер жизни: социальной, политической, культурной; изменились также мировоззрение и мировосприятие. И в этих условиях на смену толстым журналам, определявшим ранее вкусы читателя, пришли газеты. Б. Есин писал: «Чем ближе к концу столетия, тем все более возрастает значение ежедневных изданий, а XX век дает уже явное преимущество газет над журналами как орудия политической борьбы, как средства формирования общественного мнения» [1, с. 4]. Как отмечает Л. Хайрутдинова, газета носила на себе отпечаток крайне противоречивых событий, происходивших в обществе и в культурной жизни в частности [2, с. 18], поэтому газетная критика (и литературная, и театральная) играла важную роль в формировании литературной репутации многих писателей. Конечно, особенную роль она играла в тех случаях, когда писатель выступал как автор драматических произведений, но в конце XIX в. на сценах театров активно ставились и инсценировки прозы, так что театр способствовал и популяризации творчества прозаиков. Важно помнить, что театральных зрителей в этот период было гораздо больше, чем читателей, поскольку театр был одним из самых доступных и популярных видов искусства.

Именно поэтому в литературной судьбе Чехова театр сыграл такую важную роль. Имя Чехова в конце 80-х – начале 90-х годов было известно прежде всего как имя драматурга – автора ряда водевилей и, главное, нашумевшей пьесы

«Иванов». С «Иванова» и началась настоящая популярность Чехова. Постановки двух редакций пьесы в Москве, в театре Корша, а потом и в Петербурге вызвали споры в среде критиков, в публике (во время премьеры одни шикали, другие бурно аплодировали): многие говорили и писали о том, что пьеса недоделана, несовершенна, непонятна, но, безусловно, интересна и заставляет много думать. Некоторые замечания в адрес произведения были связаны с противоречием, тогда еще никому не ясным и ставшим понятным лишь через десятилетие: в пьесе, пусть пока только намеченные, уже проявились многие новаторские черты драматургии Чехова, поэтому она требовала новых приемов постановки. Быть может, именно это смутное ощущение новаторства пьесы и было особенно важным для провинциального зрителя: постановка произведения неизбежно приводила к необходимости отойти от определенных шаблонов в искусстве. Новаторство пьесы и стало причиной ее популярности на казанской сцене (не только профессиональной, но и любительской).

Первая редакция пьесы была неизвестна казанской театральной публике (на сцене была поставлена сразу вторая редакция, более совершенная), однако она не осталась незамеченной: А. Уманьский в «Литературно-критических этюдах» за 1888 г. анализирует не только рассказы Чехова, но и комедию «Иванов», отмечая, что писатель «расстался с юмористическими газетками» и перешел на новый уровень, сохранив «в своем творчестве форму сцен, направившую его в юмористическую печать и там получившую окончательную отделку – форму, из которой он пытается выйти в некоторых рассказах и в комедии “Иванов”» (У1). Критик пересказывает содержание комедии, зная, что читатели «Волжского вестника» не могли знать текста пьесы. Он пишет о том, что Чехов не справился с задачей «рисования характеров», что пьеса представляет собой лишь ряд сцен, причем не связанных между собой. Смерть Иванова в комедии Уманьский считает «совершенной случайностью» и неудачей. Эти «пробелы» и мешают адекватному восприятию комедии, поэтому естественно, что на зритель она производит впечатление «странное, впечатление какого-то недоумения». Действующие лица, по мнению Уманьского, «психологически верны, даже иногда поражают оригинальностью и глубиной», однако отношение Чехова к главному герою критик считает неверным: с нравственной точки зрения мы должны осуждать Иванова, но автор, видимо, считает, что «нельзя судить человека по его поступкам, по его внешности, но следует войти в логику его чувств, понять его побуждения». Уманьский считает, что Чехов совершает ту же ошибку, что и в рассказе «Несчастье», в котором «слишком серьезно относится к любовному увлечению своей героини, пустой барыни, называя это увлечение “бедою” и “несчастьем”». Критик подчеркивает, что измена барыни в рассказе не носит характера любви, что героиню влечет ощущение запретного плода; пишет о том, что Иванов считает себя правым вследствие «извращенности его природы», и удивляется тому, что «автор, в свою очередь, стремится реабилитировать своего героя и освободить его от великой нравственной ответственности». Уманьский подчеркивает, что нельзя называть плохое хорошим, а хорошее – плохим. В итоге критик приходит к выводу о том, что указанные им недостатки комедии, как и некоторых других рассказов Чехова, проистекают из психологии Чехова, которого «преимущественно интересуют отдельные люди, их душевная

жизнь, их радости, боли и печали» (У2). В оценке критика проявляется учительское начало, свойственное народнической литературной критике в целом, и традиционное для неё достаточно ограниченное представление о сущности человеческой природы, с позиций которого Уманьский судит об Иванове и об отношении автора к своему герою.

Однако уже в 1890 г. на страницах «Волжского вестника» появляется статья того же А. Уманьского, посвященная драме «Иванов» (точнее, ее второй редакции), из которой следует: несомненным достоинством драмы является то, что она «затронула в лице Иванова одно из самых типических явлений современной жизни», когда после «особенного напряжения общественной деятельности в 60-х и 70-х годах в нашей жизни наступил отлив энергии, даже какое-то поражающее расслабление» (У3). Критик отмечает, что Иванов является «одним из представителей такого ослабления энергии в обществе», называет то, что происходит с Ивановым и обществом в целом, «болезнью воли», утверждает, что Иванов представляет собой не частное, «единичное явление, но тип, в наше время довольно распространенный», объясняет поведение персонажа неврастением¹.

Уманьский ищет причину такого состояния персонажа в том, что героя драмы окружают самые что ни на есть дурные люди: ведь раньше Иванов был хорошим человеком, активным, деятельным, а сейчас делает страшные признания (например, понимая, что его жена умирает, он не чувствует ни жалости, ни сострадания). И даже девушка Саша преследует свои цели: у критика сложилось впечатление, что ее попытки «вытащить» Иванова из положения, в котором он оказался, глубоко эгоистичны, это всего лишь игра; потому любовь Иванова к Саше была для него «роковым ударом, безмерно усложнила его жизнь, а для человека с такой расшатанной волей даже малейшее усложнение затруднительно» (У3). По мнению критика, драма заканчивается в тот момент, когда Иванов застреливается; эта минута охарактеризована как «некоторый подъем духа».

Интересна точка зрения критика на доктора Львова, «недостаточно выведенного» в пьесе. Львова мало волнуют человеческие переживания, поэтому в нем нет сочувствия к Иванову, поступкам которого доктор приписывает только дурные мотивы (например, желание Иванова жениться на Саше он рассматривает как стремление получить богатое приданое).

Чем же можно объяснить то обстоятельство, что менее чем за два года отношение критика к пьесе Чехова изменилось? Вероятно, не только тем, что вторая редакция пьесы более отделана драматургически, но и тем, что за это время успел сказать свое слово театральный зритель: постановки пьесы пользовались успехом у публики. Говорить о несовершенстве Чехова как драматурга, о неясности или ущербности его авторской позиции было уже невозможно. Впрочем, критик высказывается осторожно: «будь она написана столь же хорошо, как задумана, она могла бы быть первоклассным произведением, тогда как теперь назвать ее таковым было бы слишком смело» (У3).

¹ Такое объяснение особенностей чеховских героев было вполне обычным для рубежа веков: о том же спустя 10 лет писал еще один казанский критик. Вспоминая разговор с доктором Львовым, в котором Иванов говорит о лишних людях, о нервах, о том, что он перестал быть похож на себя, А. Голяховский характеризовал это состояние как «обычные свойства обычной формы функционального расстройства нервной системы – неврастения» (Г.А.).

Другой критик, П.П. Перцов, в своей статье «Между прочим. Герои отвлеченной морали» уделяет особое внимание образу доктора Львова, которого сравнивает с персонажем повести Чехова «Дуэль», зоологом фон Кореном. Перцов характеризует обоих как людей веры, а не любви, которым свойственно сокрушаться о судьбах всего человечества, при этом не замечая страданий людей, находящихся рядом с ними. Критик вспоминает очерк И. Потапенко «Общий взгляд», герои которого, судьи, чуть было не совершили ошибку только потому, что привыкли руководствоваться шаблонами при принятии решения, и считает Львова и фон Корена такими же людьми «общего взгляда», не способными увидеть ни индивидуальности, ни особенностей характера, ни чувств окружающих. Перцов справедливо отмечает: «они воображают, что проповедуют любовь враждебным словом отрицанья», а на самом деле проповедуют только собственную добродетель и «вполне застыли в величавой позе своего самоуслаждения, подобно буддийским божкам» (П2). Именно поэтому Перцов в статье «Вне уровня» сожалел, что драма мало известна казанской публике, что «она шла, если не ошибаюсь, всего два раза» (П1).

Примечательно, что и в заметке о драме «Иванов», опубликованной в 1892 г., не подписавшийся автор сожалеет о том, что «известная драма г. Чехова прошла у нас не особенно удачно», признавая, что «пьеса эта отличается оригинальностью и умом» (Т). Он полагает, что актер Галицкий не справился с главной ролью, Манжос-Андросова «испортила роль Саши», Соколовская «была совсем не на своем месте в роли Лебедевой», Багрянов «пересаливал в роли винтера» и т. п., «бестолково» играли и второстепенные актеры, потому и публики на спектакле было мало, хотя актер Добровольский – один из лучших в труппе. Еще раз пьеса была поставлена в бенефис талантливого актера Шувалова в 1894 г.: «бенефициант справился со своей задачей», «Крестовская была очень недурна в маленькой роли “девицы при капитале”», но Чернышев «был по обыкновению однообразен и скомкал несколько прекрасных мест в своей роли» (Г.). Эта вторая постановка была высоко оценена публикой и критикой.

Рецепция «Иванова» – один из ключевых моментов в становлении литературной репутации Чехова. Восприятие «Иванова» критиками «Волжского вестника» – частный, но чрезвычайно интересный эпизод, свидетельствующий об изменении отношения к Чехову, о том, какую важную роль сыграл в этом процессе провинциальный театр.

Summary

A.A. Ershova. A.P. Chekhov's Play "Ivanov" on the Pages of "Volzhskii Vestnik" Newspaper.

The paper deals with the "Volzhskii Vestnik" newspaper articles of the 1880–1890s about Anton Chekhov's play "Ivanov". One of the major factors that established Chekhov's reputation as a playwright was the interest in the play shown by the audience of the Russian provincial theatre.

Key words: drama, "Ivanov", A. Chekhov, reception, provincial theatre, newspaper criticism, Kazan, "Volzhskii Vestnik" newspaper.

Источники

- Г.А. – *Голяховский А.* По поводу драматических пьес А.П. Чехова // Волжский вестн. – Казань, 1901. – № 155.
- Г. – *Г.* Театр и музыка. «Иванов», др. Ан. Чехова (Бенефис Г. Шувалова) // Волжский вестн. – Казань, 1894. – № 317.
- П1 – Посторонний [П.П. Перцов]. Вне уровня // Волжский вестн. – Казань, 1892. – № 11.
- П2 – Посторонний [П.П. Перцов]. Между прочим. Герои отвлеченной морали // Волжский вестн. – Казань, 1892. – № 15.
- Т – [Б.п.] Театр. «Иванов», драма в 4 д. Антона Чехова. Бенефис г. Добровольского // Волжский вестн. – Казань, 1892. – № 10.
- У1 – *Уманьский А.* Литературно-критические этюды. IV. Ан.П. Чехов // Волжский вестн. – Казань, 1888. – № 103.
- У2 – *Уманьский А.* Литературно-критические этюды. IV. Ан.П. Чехов (Окончание) // Волжский вестн. – Казань, 1888. – № 104.
- У3 – *Уманьский А.* Театр и музыка. «Иванов», драма А.П. Чехова // Волжский вестн. – Казань, 1890. – № 36.

Литература

1. *Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг.: Краткий очерк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 87 с.
2. *Хайрутдинова Л.Ф.* «Казанский телеграф»: литературно-критическое наследие (1893–1917 гг.). – Казань: Мастер-лайн, 2000. – 188 с.

Поступила в редакцию
24.01.12

Ершова Алина Андреевна – аспирант кафедры истории русской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: alina.e@mail.ru